

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ

I. Манчжурия.

Цитирую февральское письмо из Харбина:

«Было несколько тревожных дней. Китайцы стянули под Харбин большие солдатские массы. Громадное большинство их было охвачено заправской воинской отвагой, — такова, видно, сила ненависти к наследственному врагу. В боях многие китайские части держали себя отменно, — рассказывают, например, что они собственными телами преграждали дорогу танку, давившему их, как муравьев. Воля к борьбе среди китайцев была и есть, но, разумеется, шансов военной победы нет ни в малейшей степени. Было странно и жалко видеть эти первобытные серые толпы, выступающие против современной армии. Как англичане «блестяще рубили» некогда чернокожих Африки и испанцы американских индейцев, так вот и ныне дивизия японцев «побеждала» китайцев. Да, победа полная. Но сражение было не боем, а бойней. Аэропланы, снижаясь, чуть ли не в упор расстреливали из пулеметов эту злосчастную толпу туземцев, забрасывали ее бомбами, — удивительно-ли что «операция удалась на славу»? — Не верьте, если услышите о «грабежах деморализованной китайской солдатчины». Ничего похожего на сцены 1929 г. теперь не было. Надо прямо дивиться выдержке этих голодных, ободранных, трагически бессильных и, в сущности, дряхлых людей, — в целом они вели себя прекрасно...»

Таков финал тех действий, которые были начаты Японией 18 сентября 1931 года, под влиянием, будто бы, крайней необходимости оградить линию Южно-Манчжурской жел. дороги от покушений со стороны китайцев. А вот пролог: по свидетельству специальных изданий, регистрирующих ход нефтяной торговли, Япония ввезла из Америки в Августе 1931 года на 213.000 баррелей больше мазута, чем в соответствующем месяце предыдущего года. Мазут, как известно, является важнейшим топливом для новейших японских военных кораблей. С той поры эта волна мазута течет не останавливаясь: за следующие 4 месяца ввезено еще на 600.000 баррелей больше, чем в

соответствующую треть 1930 года. Не отстает от мазута и бензин, которого, как известно, в Японии не много: ежемесячно ввозится по 100.000 баррелей сверх тех количеств, что доставлялось раньше. И это несмотря на жестоко-свирепствующий в Японии экономический кризис, сокращение потребления, крах валюты и необходимость компенсировать этот ввоз нефтяных продуктов вывозом золота.

Не подлежит теперь ни малейшему сомнению, что японское выступление в Манчжурии было тщательно обдуманым и подготовленным завоеванием этой страны: подготовка номинальной независимости в целях последующей аннексии, то-есть совершенное повторение корейской эпопеи. С того момента, что Чжанцзолину, находившемуся тогда в Пекине, был предъявлен ультиматум, в тесной связи с коим надо рассматривать и «случайную» гибель этого крупного человека, — характер намерений и конечный исход мероприятий Японии в Манчжурии был совершенно ясен для дипломатии главнейших держав. Какое мелкое лицемерие царит в дипломатических департаментах, делающих вид, что они только теперь услышали что-то, набрасывающее тень на «доброе имя» Японии!

Не стану останавливаться на разборе притянутых за волосы аргументов в защиту «права» Японии на это выступление. Ее правители утверждают, что жизненные ее интересы находятся в Манчжурии, которая, вместе с тем, по красноречивому заявлению японского премьера, является «ключом к миру» на Дальнем Востоке. Что же это за **жизненные** интересы? Верно ли, что Япония «перенаселена», что ей «необходимы» новые территории, сырье и т. п.? Действительно ли речь идет о неизбежном, биологически-обусловленном переселении японцев в Манчжурию?

В этом отношении чрезвычайно интересно публичное и обстоятельное обсуждение этого вопроса, поднятое лет шесть тому назад по инициативе г. Ямамото (генерального секретаря партии «сейюкай»), назначенного кабинетом покойного Танака на пост Председателя Правления Южно-Манчжурской жел. дороги. Ямамото бросилась в глаза полная бессмысленность, с точки зрения японской национальной политики, пребывания японцев в Манчжурии и инвестирования в ней одного миллиарда долларов. Что-же, эта страна эксплуатируется как поле для выгодного помещения капиталов? — спрашивал г. Ямамото. — Нет, так как, за исключением Южно-Манчж. жел. дороги, все остальные японские предприятия давали скорее убытки, чем прибыли: во всяком случае к 1926 г. были проедены многочисленные государственные субсидии и требовались новые. — Быть может эта территория используется для переселения японцев? Нет, так как за целую четверть века число японцев в Манчжурии не перевалило за 300 тысяч, т. е. составляет едва одну сотую часть тамошнего китайского населения. — Но не служит ли Манчжурия источником того сырья, которого нет в самой Японии? Однако, за исключением угля, который

и в Японии есть, при том лучшего качества, железной руды, которой Манчжурия вовсе не богата, да соевых бобов, которые когда-то интересовали Японию, как жмыхи для удобрения тутовых полей, но теперь вытесняются более практичными химическими удобрениями, — никаких особых видов сырья из Манчжурии не извлекалось. — Между тем созданные японскими капиталистами в Манчжурии промышленные предприятия с национальной точки зрения вредны, а не полезны, ибо они без надобности дублируют соответствующие предприятия в самой Японии и, стало-быть, отнимая работу у японских рабочих, переадресуют ее китайцам. — Наконец, как рынок для ввоза японских фабрикатов Манчжурия не столь значительна и не может идти ни в какое сравнение с северным и средним Китаем (Тяньцзин, Шанхай), да и японская импортная торговля в этой стране к 1926 году, пришла в такой упадок, что осаждала правительство просьбами о субсидиях. — Обсуждение вопрос, поставленного г. Ямомото, продолжавшееся несколько лет, не оставило никаких сомнений в том, что только одни соображения непосредственно-военного характера оправдывают в глазах самих японцев их пребывание в Манчжурии.

И на самом деле Япония не имеет никакой нужды в Манчжурии, как территории для переселения, то-есть для переселения земледельческого характера. Северные районы самой Японии, в том числе значительный остров Хиккайдо, чрезвычайно слабо заселяются, несмотря на большие правительственные ассигнования на это дело. Между тем переселение в Манчжурию гораздо труднее: климат в общем суровее, расстояние от метрополии большее, страна менее цивилизована, а конкуренция неприхотливого китайского земледельца весьма губительна. Правда, корейцы все же вселяются в Манчжурию, но только потому, что они в состоянии довольствоваться еще меньшим, чем китайцы. Замечательно, что переселение японцев в Корею, которой Япония безраздельно владеет с 1910 г., также не имеет успеха: климат и конкуренция корейцев, создают препятствия непреодолимые.

Наиболее известный продукт манчжурского земледелия, — соевые бобы, — экспортируются главным образом в Европу: бобовое масло входит важной составной частью в ходовые сорта маргарина, а жмыхи служат для корма молочного скота. Между тем в Японии маргарин почти не известен, а скота и вообще (а молочного в особенности) весьма мало; но зато в случае военной блокады японских островов — соевые бобы, чрезвычайно богатые белком, могут быть использованы в качестве пищевого продукта.

Убеждение в том, что Манчжурия необходима — широко распространено в Японии. Но эта «необходимость» совсем особого порядка. Манчжурия нужна, как первый шаг к широкой экспансии на материке, как плацдарм для экономического, по имени одних, — военного, по мнению других, — овладения В. Азией и особенно Китаем.

С этим взглядом в господствующих кругах Японии конкурирует

другой, а именно, что будущее Японии — на островах, т. е. на Филиппинах, в голландских и английских островных владениях, в Австралии. Эти два, так сказать, географические направления японского империализма исповедуются различными кланами аристократии, наследственно владеющей управлением сухопутными и морскими силами. Но оба сходятся в общем убеждении, что Япония должна обеспечить национальное благополучие успешной завоевательной политикой. Аристократия в Японии задает тон и в **торгово-промышленной** деятельности: дворянские фамилии (каждая состоит из многих десятков семейств), владеют крупнейшими промышленными предприятиями, включающими в себя пароходства, банки, экспортно-импортные общества и т. п. Поэтому и журжуазное общественное мнение сходится с военно-аристократическим, отличаясь от него только нюансами тактики, всегда более осторожной. Основная причина такого единодушия господствующих социальных слоев заключается во все более ощущаемом социальном неблагополучии этой страны.

Только со стороны, издали, Япония кажется крепким монолитом, здоровой нацией и расцвете сил и роста. В действительности же за внешним блеском индустриализации, скрывается ультра гнилой социальный фундамент. Больше трети земледельческого населения Японии совсем не имеет собственной земли, а другая треть не может обходиться собственной землей и ведет половину хозяйства на земле арендованной. Арендная плата вся, за редчайшими исключениями, не денежная, но натуральная: по большей части исполу. Политическое влияние земледельцев создало аграрный протекционизм, который, при господстве натуральной арендной платы, благодетельствует единственно владельца, но не арендатора. Усложняющейся из года в год государственный и все удорожающийся военный аппарат требуют от населения все больше жертв, которые земледельческое население уже не в состоянии нести. Более полутора десятка лет в Японии существует серьезное аграрное движение, выражающееся ежегодно в тысячах стачек арендаторов против землевладельцев. С другой стороны, удорожание жизни городского населения, как результат аграрного протекционизма, а также близость территории Китая, на которой можно найти более дешевые и невзыскательные рабочие руки, замедлило и процесс индустриализации страны.

Япония боится революции, которая, действительно, выглядит из всех щелей: аграрное движение, рабочее движение, студенческие увлечения Марксом, Бакуниным и Лениным, интеллигентская фронда. Имущие (аристократические и военные), круги Японии сходятся в убеждении, что для Японии нет другого пути, кроме внешних завоеваний, для того, чтобы за счет эксплуатации чужих территорий **сохранить от разрушения социальный организм собственной страны.**

Обстоятельства делают Манчжурию и вообще материк направлением, «наименьшего сопротивления». Одно время была занята вся

Манчжурия и все Восточная Сибирь по Иркутск, а также Шандунский полуостров, но послевоенное возвышение Соединенных Штатов и тесно связанная с этим обстоятельством английский отказ от англо-японского союза, повели к Вашингтонской конференции, вернувшей Японии в исходное положение. Теперь движение на материк возобновилось. И прежде всего — в Манчжурию, и даже в «Монголо-Манчжурию», как выражается японская пресса с 1925 года, т. е. не до Чанчуна, как некогда, а в страну, где Чанчунь будет столицей, центром, с целым веером жел. дор. путей к Шанхай, Гунаю, Джехолу, Солуню, Хайлару и Благовещенскому. Эта Монголо-Манчжурия должна быть связана еще одной линией с Кореей и с ее портами, должна стать естественным продолжением Кореи вглубь материка, — тогда будут надежно обеспечены коммуникации с метрополией и главное: создана возможность обойти с фланга Шандунский полуостров, держать под ударом Пекин и Тяньцзинь с одной стороны, Ургу, Кяхту и Верхнеудинск — с другой, Читу, Благовещенск и Владивосток — с третьей. «Национальная необходимость» и «жизненная заинтересованность» в Манчжурии означают не что иное, как твердую решимость правящих кругов Японии прочно укрепиться на плацдарме для дальнейших завоеваний на материке. Предполагается, что эти завоевания должны будут обеспечить Японии эксплуатацию соседних территорий и уберечь ее от социальных потрясений.

II. Шанхай.

Если Япония действовала в Манчжурии по заранее подготовленному и тщательно обдуманному плану, реализация которого представлялась вполне возможной в обстановке, с одной стороны, мирового экономического кризиса, а с другой — роста европейско-американского антагонизма из за вопроса о междугосударственных долгах, то действия в Шанхае, наоборот, можно признать проявлением истерических настроений, которые время от времени овладевают ее консервативными элементами, наиболее тесно связанными с военными кругами. Трудно найти в сфере политики шаг более неосмотрительный и жестокий, более откровенный по своим агрессивным целям, более нарушающий не только договоры, но и самые элементарные принципы международных отношений, и, наконец, менее способный привести к выгодным для наступающего результатам, чем те действия, которые последовали за ультиматом японского адмирала, предъявленным мэру г. Шанхая.

Чтобы понять странную психологию, которая породила это японское выступление, надо, в самом деле, обратиться к тем дальневосточным понятиям о «потерянном лице», которые еще живы, правда, в Китае, но от которых можно было считать освободившейся Японию, уже три четверти века поглощающую в огромных порциях европейскую цивилизацию. Старые счета и психологические расчеты саму-

раев с одной стороны и мандиринов с другой выплыли на сцену, чтобы быть сведенными при помощи совсем им не современных танков, аэропланов и пулеметов.

Только потому, что действия Японии были уже чересчур вопиющи, исключительно brutальны и неумны, они встретили противодействие не одних Соединенных Штатов, но и Англии, и вызвали протесты Франции с Италией.

Положение в Китае, вообще говоря, таково, что каждая из упомянутых выше держав от всей души желала-бы прежде всего удержания своих правовых и торговых позиций в важнейших портах Китая. Даже Соединенные Штаты, столько копий изломавшие за политику «открытых дверей» и постепенной эмансипации Китая от обязательств по отношению к иностранцам, уже несколько лет осаждаются самыми слезными просьбами американцев, торгующих в «поднебесной республике», о защите их «от произвола гоминдановской клики». Соединенные Штаты мечтают о том, чтобы в «освобожденном» от других иностранных влияний Китае занять первое место, подобающее наиболее богатому из соседей, склонному оплодотворить капиталами огромную страну и заодно воспользоваться дешевой в мире рабочей силой. В их политике, направленной к этой цели, они рассчитывают на сочувствие известных китайских буржуазных элементов, ориентирующихся на капиталистическое развитие страны, т. е. главным образом на гоминдановских политиков. Но подавляющее большинство последних представляет собою настолько жадную и продажную толпу, — толпу пропитанную не просто национализмом, но каким то восторженным вождением всеобщего, внутреннего и внешнего, грабежа под флагом националистических и освободительных лозунгов, что буквально все американцы, находящиеся в Шанхае, Тяньцзинь и т. п. не могут не относиться с полнейшим недоверием, страхом, а часто и отвращением ко всему, считающему себя прикосновенным к этому движению.

В этой обстановке если бы Япония, в связи с Шанхайским инцидентом, не проявила бы откровенного желания унизить и подчинить себе Нанкинское правительство, а вместе с тем, одним ударом, завоевать для себя одной совершенно исключительное положение в Китае, она могла бы смягчить противодействие Америки и оставить последнюю в одиочестве — до лучших времен.

III. Дальневосточная проблема.

То, что происходило в Шанхае, — чем бы этот инцидент ни закончился, — все же только деталь, частности основной линии японской политики. Вашингтонская конференция, знаменовавшая собою неслыханное дипломатическое поражение Японии, прервала только на время обычное течение этой политики. Шанхайский инцидент подчеркнул ее своею brutальностью, но существо ее гораздо точнее,

решительнее и наиболее угрожающим образом обрисовано именно Манчжурским выступлением. Намерения Японии в Азии отныне не завуалированы, по крайней мере для дипломатов и для военных, ни в малейшей степени. Японскими штыками удалены из Манчжурии негодные японцам китайские правители и их же штыками поставлены новые, вполне Японии послушные. Японские интересы эффективно прикрыты жалкой марионеткой — «законным», «легитимным», китайским «императором» Пу-И (об этом не мешало бы поразмыслить и некоторым из наших беженцев, уже теперь занявшимся заготовкой впрок своего соответственного Пу-И). Манчжурия уже отторгнута от Китая, хотя, само собою разумеется, «Япония не имеет никаких территориальных притязаний» в этой стране. Отныне Япония может заняться самой срочной и в то же время самой солидной подготовкой к будущей войне за Китай, за его рынки, за политическое в нем господство, за право распорядиться этой страной совершенно так же, как Англия распоряжается Индией. Территория Манчжурии, связанная новыми рельсовыми путями с Японией через Корею, представляет для этой подготовки огромные возможности. Горячка военных мероприятий усилит, вероятно, инфляцию в Японии, но в то же время и создаст впечатление экономического подъема, так что внутренний политический курс сложится по линии подготовки к будущей войне.

Через 2-3 года Япония будет уже гораздо сильнее на материке, чем сейчас. Соединенные Штаты, чьи надежды на экономическое влияние в Китае очень скромно метрированы военным усилием Японии, также займутся, конечно, усилием своего флота в предвидении будущего столкновения. Несомненно, что интересы тяжелой промышленности в Соед. Штатах не упустят случая использовать нынешние трения с Японией для улучшения промышленной конъюнктуры, по крайней мере в области военного судостроения и постройки военных баз на Тихом Океане. Останется ждать подходящего момента во взаимоотношениях Соединенных Штатов с Англией, чтобы появилась возможность нового дипломатического давления на Японию, которое вероятнее всего не сможет не окончиться тихоокеанской войной.

Может случиться, конечно, что Япония, в припадке военной истерики, сопроводит войну и ранее того времени, которое было бы желательно Соединенным Штатам. Но несомненно, что всякий новый неосторожный жест Японии поможет С.Ш.С.А. привлечь на свою сторону Канаду и Австралию, а вместе с ними, в конце концов, и Великобританию.

Интересы России неминуемо также будут задеты такой войной. Они уже в очень большой степени нарушены событиями в Манчжурии. Надо сказать, что манчжурская политика СССР, до сего времени, была исключительно терпеливой, осторожной и осмотрительной. Ведь в реконструкцию и индустриализацию своей собственной страны ухлопаны миллиарды, принесены величайшие жертвы; нель-

зи срывать пятилетку ради сомнительных авантур. Отказавшись решительно от политики империализма, возвративши Китаю абсолютно все его суверенные права в Манчжурии, вручивший ему даже право на равное участие в управлении железно-дорожной линией, построенной на русские средства, СССР оставил в руках китайцев огромные государственные имущества России. Все было сделано для того, чтобы избежать трений и столкновений с китайцами, в целях удержания северной Манчжурии в состоянии независимого от Японии буфера между советскими областями и Южной Манчжурией. Отнюдь не вина России, если Чжансюелян в 1929 г., подражая всем нравам гоминдановской клики, попытался сделать то, чего никогда не собирался делать Чжанцзолян, т. е. покусился на окончательный захват К. В. ж. д. — Во всяком случае позиция СССР по отношению к Сев. Манчжурии действительно никогда не носила империалистического характера. — Но теперь Россия будет иметь в качестве соладельца Кит. Вост. жел. дор., в сущности, не Китай, но Японию. Как по этой причине, так и вследствие неуравновешенности японских военных кругов, которым всякое завоевание кажется полезным прибавлением к японской военной славе, конфликт между Японией и Россией может возникнуть в любой момент. И в этом отношении Россия до сего дня сделала все возможное, чтобы исключить этот конфликт. Если же тем не менее конфликту суждено быть, то, как бы ни тяжело пришлось России, Япония от него только прогадает. Русские рельсы ведут к районам снабжения более ценным, чем Манчжурия. В том окончательном столкновении, которое в конце концов разрешит тихоокеанскую проблему, от Урала и Западной Сибири, а может быть и от Камчатки, будет зависеть не мало. Национальное чувство укрепляется, проходя через горнило национальных испытаний. Что бы ни говорили малoverы, действительный удельный вес России на Дальнем Востоке совсем не умален. Если он не скажется немедленно, то тем с большей силой он даст себя знать позже. Россия имеет в Азии великую освободительную миссию; она не имеет права уйти и никогда не уйдет с Тихого Океана; Байкал никогда не станет ее последней восточной границей.

Г. Танасов.

12 марта 1932 года. Прага.